

АВТ
А47

На правах рукописи

Т. Алексеева

Алексеева Татьяна Михайловна

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И
ПРЕДЕЛЫ

12.00.09 – уголовный процесс

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва–2015

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (юридический факультет)

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент
Ильютченко Наталия Владимировна

Официальные оппоненты:

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский педагогический государственный университет», кафедра судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, профессор

Вилкова Татьяна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовно – процессуального права, доцент

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»

Защита диссертации состоится «08» декабря 2015 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 501.001.73 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, строение 13-14, (4 гуманитарный корпус), юридический факультет, ауд. 535а.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, комната 812 и на сайте www.istina.msu.ru.

Автореферат разослан «10» августа 2015 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Анна Аветиковна Арутюнян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Принцип стабильности вступивших в законную силу судебных решений имеет огромное значение как в отечественном, так и в зарубежном праве. Неопровержимость судебных актов, вступивших в законную силу, обеспечивает доверие к судебной системе. Такое доверие основывается, прежде всего, на безусловном исполнении решений судов, вступивших в законную силу. Особое значение это имеет для уголовного процесса в силу его публичного характера.

Примечательно, что «принципу неприкосновенности судебных приговоров»¹ уделялось большое внимание еще в уголовном процессе дореволюционного периода, в котором положение - *res judicata pro veritate habetur* - не ставилось под сомнение. В настоящее время в практике Конституционного Суда РФ также подчеркивается важность названного принципа.

Кроме того, существует большое количество решений Европейского суда по правам человека относительно несоблюдения Российской Федерацией *принципа правовой определенности (принципа res judicata)*. При этом исполнение постановлений ЕСПЧ, констатирующих нарушение Россией *принципа res judicata* и указание на необходимость его устранения внутригосударственными способами защиты, является обязательным для нашей страны².

Впервые принцип *res judicata* был признан Европейским судом по правам человека в качестве самостоятельного процессуального принципа в гражданском судопроизводстве³, и, соответственно, в доктрине и судебной практике гражданского процесса ему уделено больше внимания, чем в теории и практике отечественного уголовно-процессуального права.

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2: Судопроизводство. М., 2008. С. 452.

² Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Брумареку против Румынии» от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95); Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // СПС «Консультант Плюс».

Однако Европейский суд по правам человека не только призывает к необходимости в равной степени следовать принципу правовой определенности в гражданском и уголовном процессах, но и более того признает особую важность принципа *res judicata* для производства по уголовным делам⁴.

Именно принцип *res judicata* выступает своеобразным фильтром, позволяющим определить, в каких случаях основания отмены (изменения) судебного акта являются достаточными, чтобы опровергнуть презумпцию истинности приговора (иного судебного решения), вступившего в законную силу, и в силу этого обеспечивает равновесие между конституционным правом на обжалование судебных актов и требованием о непоколебимости судебного решения.

Между тем понятие *правовой определенности судебных решений (res judicata)* является спорным и комплексно не исследованным в российской процессуальной науке, по-разному трактуется в правоприменительной практике.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется также тем, что в ходе реформы судебных инстанций (Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ⁵) в отечественное уголовно-процессуальное законодательство внесены изменения, согласно которым, в частности, увеличилось количество исключительных производств (появился обновленный кассационный порядок), изменились основания отмены (изменения) судебных решений, вступивших в законную силу.

Несмотря на проведенную реформу, целью которой являлось повышение гарантированного Конституцией Российской Федерации уровня судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в сферу

⁴ См., напр.: Постановление ЕСПЧ по делу «Никитин против Российской Федерации» от 20 июля 2004 г. (жалоба № 50178/99); Постановление ЕСПЧ по делу «Эдуард Чистяков против Российской Федерации» от 9 апреля 2009 г. (жалоба № 15336/02); Постановлении ЕСПЧ по делу «Величко против Российской Федерации» от 15.01.2013 (жалоба № 19664/07) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6998.

уголовного судопроизводства⁶, названные основания нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании.

Данные судебной статистики свидетельствуют об общей тенденции к увеличению поступающих на рассмотрение и рассмотренных жалоб и представлений на вступившие в законную силу судебные решения, что отрицательно отражается на стабильности судебных актов, их неопровержимости и исполнимости.

Так, в 2011 г. в верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов на рассмотрение поступило 189,4 тыс. жалоб и представлений на вступившие в законную силу судебные решения, из них по 18,1 тыс. возбуждены надзорные производства; в 2012 г. эти цифры составили 198,6 тыс. и 26,8 тыс., в 2013 г. - 170,5 тыс. и 19,5 тыс., в первом полугодии 2014 г. - 134,9 тыс. и 4,8 тыс. соответственно⁷.

В Верховном Суде Российской Федерации (Судебной коллегии по уголовным делам и Президиуме) в 2011 г. количество рассмотренных жалоб и представлений на вступившие в законную силу судебные решения составило 104,2 тыс., из них по 1020 возбуждены надзорные производства. В 2012 г. эти цифры составили 106,3 тыс. и 1434, в 2013 г. - 118,4 тыс. и 1388, в первом полугодии 2014 г. - 56,4 тыс. и 747 соответственно⁸.

Учитывая изложенное, актуальным представляется всестороннее изучение понятия, значения и пределов действия *принципа правовой определенности* в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы. Проблема обеспечения непоколебимости и устойчивости вступившего в законную силу судебного решения всегда являлась объектом внимания отечественных исследователей.

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 402468-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁷ <http://www.cdep.ru/index.php?id=80>.

⁸ <http://www.vsrfr.ru/second.php>.

Дореволюционные ученые, такие как С.И. Викторский, С.В. Познышев, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий, придавали большое значение изучению презумпции истинности приговора, а также условий и оснований, при которых законная сила судебного решения могла быть нарушена.

Процессуалисты советского периода (Ю.М. Грошевой, В.И. Каминская, Э.Ф. Куцова, И.Д. Перлов, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович и др.) детально исследовали право на обжалование судебных актов в различных стадиях процесса. При этом, как правило, объектом изучения выступало соотношение данного права с презумпцией истинности вступившего в законную силу судебного решения.

Настоящее время характеризуется появлением научных работ, в которых в большей или меньшей степени основания пересмотра судебных решений в исключительных производствах рассматриваются с точки зрения соответствия их принципу правовой определенности. Так, современными исследователями проблемы соответствия оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений принципу *res judicata* являются М.Т. Аширбекова, В.Е. Баскакова, Е.А. Борисова, Т.Ю. Вилкова, Л.А. Воскобитова, Л.В. Головкин, В.А. Давыдов, В.Д. Зорькин, Н.В. Ильютченко, Н.Н. Ковтун, Н.А. Колоколов, В.А. Лазарева, П.А. Лупинская, Т.Г. Морщакова, И.Б. Михайловская, И.Л. Петрухин, А.В. Смирнов, Л.А. Терехова, Т.В. Трубникова, М.А. Филатова и др. Данная проблема обозначена в диссертационных работах С.В. Зайцева, А.Ю. Заксон, К.В. Ивасенко, М.В. Мерзляковой, В.А. Морквиной, О.Н. Сычевой и др.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение понятия, значения и пределов правовой определенности судебных решений в отечественном уголовном процессе (принципа правовой определенности) в контексте оснований пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном производствах, а также при возобновлении производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- проследить эволюцию понятия непоколебимости судебного решения в доктрине и дореволюционном уголовно-процессуальном законодательстве (*res judicata*);

- исследовать понимание устойчивости судебного решения в науке советского уголовного процесса;

- раскрыть значение правовой определенности судебных решений в доктрине современного уголовного процесса;

- изучить понятие и значение правовой определенности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека;

- проанализировать позиции Конституционного Суда Российской Федерации в отношении правовой определенности судебных решений;

- исследовать правовую регламентацию оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в историческом аспекте;

- рассмотреть подходы Европейского суда по правам человека к определению пределов действия принципа *res judicata*;

- раскрыть содержание пределов действия принципа правовой определенности при пересмотре судебных решений в кассационном порядке и в порядке надзора;

- определить пределы действия принципа *res judicata* при возобновлении производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания явлений объективной действительности, позволяющий рассматривать социально-правовые явления в их динамическом развитии и взаимосвязи.

Диссертация выполнена с использованием общенаучных и частнонаучных методов исследования: анализа и синтеза, аналогии, индукции и дедукции, исторического, формально-юридического и сравнительно-правового, классификации и правового моделирования.

Нормативную базу исследования составили Устав уголовного судопроизводства 1864 г., уголовно-процессуальное законодательство СССР и РСФСР, Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты, ряд федеральных конституционных законов, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, иные федеральные законы Российской Федерации. Использовано уголовно-процессуальное законодательство Германии и Франции.

Эмпирическую основу исследования представляют решения Европейского суда по правам человека, постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ. При формировании эмпирической базы диссертантом использовались данные судебной статистики, а также опубликованная и неопубликованная практика Верховного Суда РФ по конкретным делам за 2010 - 2015 гг. (в контексте исследуемой проблемы). Автором было изучено 100 решений Европейского суда по правам человека, 145 решений Конституционного Суда РФ, 240. решений Верховного Суда РФ и 90 решений судов субъектов Российской Федерации Центрального федерального округа применительно к теме исследования.

Объект исследования. Объектом диссертационного исследования являются правоотношения, складывающиеся в процессе обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, с точки зрения соответствия их принципу правовой определенности.

При этом рассмотрение понятия и системы принципов уголовного процесса не является целью настоящего исследования.

Предмет исследования. Предметом исследования являются положения, закрепленные в международно-правовых актах, уголовно-процессуальные нормы национального и зарубежного законодательства, регулирующие основания обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, решения Европейского суда по правам человека, а также материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и иных судов, осуществляющих пересмотр и возобновление дел в порядке надзора, и ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Научная новизна диссертационного исследования определяется его целью, задачами, особенностями подхода к рассмотрению *правовой определенности судебных решений*. В настоящей работе впервые осуществляется комплексный сравнительно-правовой и исторический анализ понятия, значения и пределов действия правовой определенности судебных решений в отечественном уголовном процессе.

Научная новизна диссертационного исследования детализируется в положениях, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. На основании исторического подхода диссертантом выделяются три этапа эволюции понятия *правовая определенность судебных решений* в отечественном уголовном процессе (дореволюционный, советский (1917–1991 гг.) и современный), проводится их сравнительное исследование.

Автор приходит к выводу, что, не употребляя термин *правовая определенность судебных решений (правовая определенность)*, в дореволюционный период ученые признавали важность устойчивости приговоров, иных судебных решений, вступивших в законную силу, обращали внимание на сроки их исполнения, обеспечение авторитета судебных актов и соблюдение баланса между требованием непоколебимости судебных решений и возможностью достижения справедливости в каждом деле. При этом непоколебимость судебного решения рассматривалась как презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения - *res judicata pro veritate habetur*, или кратко - *res judicata*.

Вместе с тем в уголовном процессе советского периода отношение к стабильности судебных решений изменилось в связи с уголовно-процессуальной доктриной, в которой доминировал принцип материальной (объективной) истины. В отличие от дореволюционного периода, когда презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения считалась опровержимой, большинство советских исследователей отрицало наличие такой презумпции, поскольку она вступала в противоречие с возможностью пересмотра вступившего

в законную силу судебного решения при необходимости исправления судебной ошибки.

2. *Правовая определенность судебных решений* в современном уголовном процессе означает устойчивость, незыблемость, непоколебимость судебного решения, вступившего в законную силу.

Между тем необходимо различать *определенность правовых норм* в смысле четкости, ясности закона, требуемого критерия (характеристики) нормы права или судебного акта и *правовую определенность* в другом значении - как положения, характеризующего институциональные пределы допустимого пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

3. С учетом эволюционного толкования Европейским судом по правам человека положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. автор понимает *правовую определенность судебных решений* как самостоятельный межотраслевой процессуальный принцип, означающий положение, согласно которому отмена (изменение) приговора, иного судебного решения, вступившего в законную силу, *не допускается (принцип res judicata)*.

Действие названного принципа не является безусловным.

Пределами действия принципа правовой определенности выступают основания, при которых вступившее в законную силу судебное решение подлежит отмене (изменению), - существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона, а при возобновлении производства по уголовному делу - указанные в законе новые и вновь открывшиеся обстоятельства.

4. Основой принципа правовой определенности в настоящее время выступает презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения - *res judicata pro veritate habetur*. Данная презумпция, возникнув еще в доктрине зарубежного и русского дореволюционного уголовного процесса XIX-начала XX в., не получила развития в советское время, однако она не только не утратила своего значения, но и приобрела новое толкование в качестве предпосылки существования *принципа res judicata* в современный период.

5. Европейский суд по правам человека при решении вопроса о нарушении принципа правовой определенности национальными судами принимает во внимание следующие обстоятельства: 1) последствия возобновления производства по делу и последующих процедур для личной ситуации заявителя; 2) был ли пересмотр инициирован самим заявителем; 3) основания, по которым национальные власти «отменили окончательный характер приговора»⁹ по делу заявителя; 4) соответствие рассматриваемой процедуры требованиям национального законодательства; 5) наличие в национальной правовой системе процессуальных гарантий, способных предотвращать злоупотребление рассматриваемой процедурой со стороны национальных властей, и их эффективность; 6) иные имеющие отношение к вопросу обстоятельства дела; 7) кроме того, производство в суде соответствующей проверочной инстанции должно содержать все процессуальные гарантии п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и должно обеспечивать общую справедливость всего судебного процесса¹⁰.

Полагаем, что среди указанных обстоятельств только одно - основания, по которым национальные власти отменили вступившее в законную силу решение по делу заявителя, – является основным (остальные - дополнительные), поскольку именно в зависимости от важности оснований отмены (изменения) вступившего в законную силу судебного решения Европейский суд в большинстве случаев приходит к завершающему выводу о том, имело ли место нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Таким образом, основания, по которым национальные власти отменили вступившее в законную силу решение по делу заявителя, - это и есть пределы действия принципа *res judicata*.

6. В результате изучения, анализа и социологического обобщения практики Верховного Суда РФ (240 судебных решений) диссертант пришел к выводу, что Верховный Суд РФ признавал *существенными* следующие *типы* нарушений

⁹ Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 65582/01) // СПС «Консультант Плюс». Под «окончательным характером приговора» в данном контексте надо понимать вступившие в законную силу судебные решения.

¹⁰ Там же.

уголовно-процессуального закона:

- 1) нарушения, которые относятся к формированию и полномочиям суда: а) незаконный состав суда; б) нарушение правил подсудности; в) превышение пределов рассмотрения уголовного дела судом кассационной (надзорной) инстанции;
- 2) нарушение принципов уголовного судопроизводства, которые повлекли нарушение прав участников процесса: а) нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту; б) нарушение гласности судопроизводства; в) нарушение установленного порядка обжалования судебного решения;
- 3) несоблюдение установленного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения уголовных дел: а) неправильное составление процессуальных документов или их отсутствие (например, протокол судебного заседания подписан только одним секретарем судебного заседания, тогда как протокол по данному делу велся двумя секретарями; отсутствие в материалах уголовного дела постановления о возбуждении уголовного дела); б) нарушение установленного порядка прекращения уголовного дела (преследования) (например, прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования без согласия обвиняемого).

В целях дальнейшего совершенствования порядка обжалования вступивших в законную силу судебных решений и соблюдения принципа *res judicata* автор предлагает использовать вышеприведенный перечень *существенных нарушений* уголовно-процессуального закона как ориентир для судебной практики. При этом данный перечень остается открытым и может быть скорректирован с учетом ее дальнейшего развития.

7. Исходя из недопустимости аналогии между нарушениями уголовно-процессуального и уголовного законов, полагаем, что законодательное указание на *существенность* нарушений уголовного закона в кассационном и надзорном производствах представляется неверным, поскольку любое нарушение уголовного

закона по сути является существенным. Применительно к названным производствам предлагается в качестве оснований отмены (изменения) судебных решений закрепить *неправильное применение уголовного закона*, внося изменения соответственно в ст. 401.15 и ст. 412.9 УПК РФ.

8. По сравнению с кассационным и надзорным производствами, где пределами действия принципа правовой определенности должны выступать существенные нарушения уголовно-процессуального закона и неправильное применение уголовного закона, при возобновлении производства ввиду новых обстоятельств пределы действия принципа правовой определенности качественно изменяются в связи с иными целями и основаниями данного вида пересмотра.

9. Изучение практики Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что при возобновлении дел ввиду новых обстоятельств пределы принципа правовой определенности в названном производстве дифференцируются в зависимости от вида новых обстоятельств. В случаях, когда основанием пересмотра являются решения Конституционного Суда РФ (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), это влечет безусловную отмену (изменение) вступившего в законную силу судебного решения, тогда как решения Европейского суда по правам человека признаком безусловности не обладают. Такое положение приводит к возникновению коллизий в правоприменительной практике.

10. В этой связи в целях соблюдения принципа *res judicata* предлагается (на основании изученной практики Верховного Суда РФ) конкретизировать пределы действия принципа правовой определенности применительно к основанию возобновления уголовного дела ввиду принятия решения Европейским судом по правам человека. Такими пределами следует признать: 1) незаконный состав суда; 2) нарушение права обвиняемого на защиту; 3) нарушение установленного порядка доказывания; 4) ненадлежащая проверка уполномоченными органами нарушений, допущенных во время досудебного производства по уголовному делу.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании дискуссионных вопросов, возникающих при толковании термина *правовая определенность*, определении понятия, значения и

пределов действия принципа *res judicata* применительно к кассационному и надзорному производству и возобновлению дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств на основе новейших положений уголовно-процессуального законодательства России. Теоретические положения и выводы могут быть использованы в преподавательской деятельности, при подготовке научных исследований, учебных программ и методических пособий по курсу «Уголовный процесс».

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что сформулированные в нем предложения по уточнению оснований отмены (изменения) вступивших в законную силу судебных решений, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, и по внедрению принципа правовой определенности могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность диссертации обеспечивается использованием научных методов познания, доктрины отечественного уголовно-процессуального права, актуальной нормативной и репрезентативной эмпирической базы исследования.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 8 научных работах общим объемом 3,2 п.л., в том числе 3 в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Результаты исследования докладывались в ходе научно-практических конференций: XV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2013» с элементами научной школы (29-30 марта 2013 г., ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (5-6

апреля 2013 г., МГЮУ имени О.Е. Кутафина), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» (8-13 апреля 2013 г., МГУ имени М.В. Ломоносова), Международной научной конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» (7-11 апреля 2014 г., МГУ имени М.В. Ломоносова), XII Международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (27-28 марта 2015 г., Международная организация «Евразийский Союз Ученых»).

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при проведении семинарских занятий по уголовному процессу на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, степень ее научной разработанности; обозначаются цель и задачи, методология и методы исследования, его нормативная и эмпирическая основы, объект и предмет; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о степени достоверности и об апробации результатов исследования.

Первая глава «Понятие и значение правовой определенности судебных решений» состоит из пяти параграфов.

Первый параграф «Непоколебимость судебных решений в доктрине и законодательстве дореволюционного уголовного процесса» посвящен рассмотрению уголовно-процессуального законодательства и позиций отечественных дореволюционных классиков по вопросу понятия непоколебимости приговоров и иных судебных решений, вступивших в законную силу.

В дореволюционной науке термин *правовая определенность* не употреблялся, не было его и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Между тем процессуалисты рассматриваемого периода признавали важность непоколебимости вступивших в законную силу судебных актов. И.Я. Фойницкий указывал: формула "*res judicata pro veritate habetur*" есть не что иное, как начало устойчивости, незыблемости судебных решений¹¹. По мнению ученого, «судебное решение почитается за истину, но если эта презумпция падает, то оно должно быть заменено другим, справедливым»¹².

Наряду с И.Я. Фойницким, другие дореволюционные исследователи (С.И. Викторский, С.В. Познышев, В.К. Случевский, Н.Н. Розин) также обращали внимание на наличие в уголовном процессе опровержимой презумпции истинности приговора (иного судебного решения).

Кроме того, в дореволюционной науке уголовного процесса считалось, что вступившее в законную силу решение обладает не только свойством непоколебимости и неприкосновенности, но и обеспечивает высокий авторитет суда, определенность процессуального статуса участников судопроизводства, соблюдение практических интересов общества.

Таким образом, на данном этапе понятие *res judicata* означало презумпцию истинности вступившего в законную силу судебного решения, оспоримую лишь в исключительных случаях.

Можно заключить, что толкование непоколебимости судебного решения с точки зрения дореволюционных классиков актуально и в настоящее время, поскольку приведенные позиции восприняты спустя много лет Европейским судом по правам человека, который использует разработанные доктриной XIX–начала XX в. положения в своих постановлениях. При этом незыблемость судебного решения Европейский суд по правам человека интерпретирует как принцип правовой определенности (принцип *res judicata*).

¹¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Спб., 1907. С. 362.

¹² Там же. С. 517.

Во втором параграфе «Отношение представителей науки советского уголовного процесса к устойчивости судебного решения, вступившего в законную силу» продолжается исследование понятия непоколебимости судебного решения (в историческом контексте).

На основе изучения позиций представителей науки отечественного уголовно-процессуального права советского периода (Н.Н. Полянский, Ю.М. Грошевой, В.И. Каминская и др.) по проблеме устойчивости судебного решения, вступившего в законную силу, диссертант приходит к выводу, что требование о неизблемости судебного решения, а тем более самостоятельное закрепление этого положения в качестве процессуального принципа, не нашли поддержки в советском уголовном процессе прежде всего по идеологической причине.

В отличие от дореволюционного периода, когда презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения считалась опровержимой, большинство советских исследователей отрицало наличие такой презумпции, поскольку она вступала в противоречие с возможностью пересмотра вступившего в законную силу судебного решения при необходимости исправления судебной ошибки.

Другие исследователи отрицали возможность существования «западной» презумпции истинности вступившего в законную силу судебного решения в праве советского типа.

Диссертанту такой подход представляется ошибочным, поскольку презумпции *res judicata pro veritate habetur* придавалось не свойственное ей значение правила, обладающего абсолютным действием. Вместе с тем названная презумпция предполагает установление четких ограничений обжалования судебного акта по основаниям, указанным в законе.

Между тем советские процессуалисты обращали внимание на проблему обеспечения авторитета и повышения качества приговоров и судебной деятельности в целом не только через обжалование, но и путем вынесения судебных решений в точном соответствии с уголовным и уголовно-

процессуальными законами и фактическими обстоятельствами, установленными по конкретному уголовному делу.

Третий параграф «Правовая определенность в доктрине процессуального права Российской Федерации» посвящен рассмотрению понятия правовой определенности судебных решений с позиций дискуссии современных исследователей по данной проблеме.

Диссертантом указывается, что термин *правовая определенность* имеет два основных смысла. В первом значении правовая определенность понимается как положение, характеризующее институциональные пределы допустимого пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (принцип *res judicata*). Во втором значении данный термин предполагает ясность, четкость, недвусмысленность, непротиворечивость правовых норм и положений судебных актов, т.е. *определенность правовых норм*.

По убеждению автора, во втором значении правовая определенность не может рассматриваться в качестве процессуального принципа. Скорее всего, она выступает как критерий (характеристика) нормы права или судебного акта.

На основании многочисленных примеров из практики Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов диссертант показывает, что правовая определенность во втором значении выступает в роли ожидаемого стандарта качества закона, но не как самостоятельный принцип судопроизводства.

Приводятся различные точки зрения ученых по данной проблематике.

Первую группу представляют авторы, полагающие, что правовую определенность нельзя рассматривать в качестве самостоятельного процессуального принципа. С аргументами данной группы ученых трудно согласиться. Так, например, тезис о том, что нормативное отсутствие принципа правовой определенности в процессуальном законодательстве означает его фактическое отсутствие, является несостоятельным, поскольку, во-первых, его

необходимо рассматривать в свете эволюционного толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Европейским судом по правам человека и, во-вторых, он непосредственно применяется, как это следует из практики российских судов.

Ко *второй группе* исследователей диссертант относит процессуалистов, рассматривающих *правовую определенность* в узком, широком и ином подобном смысле.

Взгляды данной группы авторов также не могут быть поддержаны, поскольку термин *правовая определенность* раскрывается не через возможность его толкования в узком или широком (ином подобном) смысле, а путем использования иного принципиального подхода: то, что именуется *широким смыслом* – требование об обеспечении ясности и непротиворечивости правовых норм и положений судебных актов, можно назвать принципом лишь условно.

По мнению *третьей группы* ученых (М.Т. Аширбекова, Е.А. Борисова, Т.В. Трубникова, П.С. Яни и др.), термин *правовая определенность* означает самостоятельный процессуальный принцип, который необходимо отличать от требования определенности норм права или судебного акта. Авторы приводят, в том числе исторические, аргументы относительно истоков принципа *res judicata*, которые прослеживаются еще в древнеримском праве.

Подтверждением данной позиции служит и рассмотренная в настоящей работе практика Европейского суда по правам человека и отечественных судов.

Четвертая группа исследователей очень близка идеологически к третьей группе. Суть данной позиции заключается в том, что, признавая правовую определенность принципом судопроизводства, ученые рассматривают ее с точки зрения соотношения с презумпцией истинности вступившего в законную силу судебного решения. На наличие в современном уголовном процессе презумпции истинности приговора обращают внимание видные ученые-процессуалисты (П.А. Лупинская, В.А. Дывыдов, Н.Н. Ковтун и др.). Кроме того, на существование названной презумпции указывается и в диссертационных работах последнего времени (О.Н. Сычева, В.А. Морквин и др.).

Таким образом, в результате проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что принцип правовой определенности и презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения непосредственно взаимосвязаны. Более того, презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения выступает основой принципа правовой определенности.

Данная презумпция, возникнув еще в доктрине зарубежного и русского дореволюционного уголовного процесса XIX- начала XX в., не получила развития в советское время, однако она не только не утратила своего значения, но и приобрела новое толкование в качестве предпосылки существования *principia res judicata* в современный период.

На основании изложенного диссертант полагает, что на современном этапе развития науки и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации правовая определенность судебного решения должна пониматься как самостоятельный принцип уголовного судопроизводства (принцип *res judicata*), означающий устойчивость вступившего в законную силу судебного акта, в основе которого лежит презумпция истинности вступившего в законную силу приговора (иного судебного решения), оспаривая лишь в исключительных случаях.

В четвертом параграфе «Понятие и значение правовой определенности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека» исследуются правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно понятия и значения правовой определенности судебных решений.

Рассматривая практику Европейского суда по правам человека, автор в первую очередь приводит два значимых постановления по данному вопросу.

В деле «Брумареску против Румынии» Европейский суд по правам человека указал, что право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) должно толковаться в свете преамбулы к названной Конвенции, согласно которой одним из основополагающих аспектов принципа верховенства права является *принцип правовой*

определенности, который требует, помимо прочего, чтобы в случае вынесения судами «окончательного» судебного решения оно не подлежало пересмотру¹³.

Таким образом, во-первых, из данного решения можно заключить, что правовая определенность в толковании Европейского суда по правам человека является самостоятельным процессуальным принципом (принципом *res judicata*); во-вторых, данный принцип предполагает устойчивость вступившего в законную силу судебного решения.

В деле «Рябых против России» ЕСПЧ впервые обозначил пределы действия принципа правовой определенности, тем самым закрепив, что рассматриваемый принцип не является абсолютным¹⁴.

В параграфе исследуется также моральное значение принципа *res judicata* в практике Европейского суда по правам человека. Диссертант приходит к выводу, что отмена вступившего в законную силу решения вызывает у граждан недоверие к судебной системе, обеспокоенность за свою судьбу, как это произошло, например, в деле «Сергеев и другие против Российской Федерации»¹⁵.

Изучение практики Европейского суда по правам человека подтверждает выдвинутый в предыдущем параграфе настоящего исследования тезис о том, что *правовая определенность* понимается как самостоятельный межотраслевой процессуальный принцип (принцип *res judicata*), означающий (в контексте уголовного процесса) незыблемость и устойчивость приговора (иного судебного решения), вступившего в законную силу, который не является абсолютным. Нарушение данного принципа государством влечет за собой соответствующие последствия, т.е. отмену или изменение решения национального судебного органа в предусмотренных законом случаях.

В пятом параграфе «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу понятия и значения правовой

¹³ Постановление ЕСПЧ по делу «Брумареску против Румынии» от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Сергеев и другие против Российской Федерации» от 6 марта 2012 г. (жалобы №№ 28309/03, 28318/03, 28379/03, 17147/04, 19131/04, 43601/05, 32383/06, 32485/06, 34874/06, 40405/06 и 45497/06) // Там же.

определенности» термин *правовая определенность* рассматривается диссертантом с точки зрения его толкования Конституционным Судом Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ опирается на *правовую определенность* как на фундаментальное требование при толковании норм уголовно-процессуального законодательства в контексте экстраординарных стадий: кассационного производства (с 1 января 2013 г.), надзорного производства и производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

При этом, по мнению автора, различия в обозначении правовой определенности как *принципа, требования, условия* и т.п. связаны прежде всего с отсутствием официального толкования понятия *правовая определенность* в отечественном законодательстве.

В своих решениях Конституционный Суд РФ, например, указывает, что законодатель должен устанавливать точные и четкие основания, условия и порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, иначе это приведет к нестабильности правовых отношений, произвольности изменения установленного судебными решениями правового статуса их участников и тем самым – к нарушению общепризнанного принципа правовой определенности¹⁶.

Кроме того, по мнению Конституционного Суда РФ, введение дополнительных процессуальных механизмов проверки вступившего в законную силу судебного решения не предполагает предоставление лицу неограниченных возможностей требовать его пересмотра, равно как и выбор по собственному усмотрению способа и процедуры судебного обжалования. Иное не соответствовало бы принципу правовой определенности¹⁷.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1690.

Как полагает Конституционный Суд РФ, признание преюдициального значения судебного решения также обеспечивает реализацию принципа правовой определенности¹⁸.

В ходе проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что правовая определенность понимается Конституционным Судом РФ в качестве межотраслевого процессуального принципа в значении, придаваемом ему толкованием Европейского суда по правам человека, т.е. как принцип *res judicata*.

Глава вторая «Пределы действия принципа правовой определенности» состоит из четырех параграфов.

Первым параграфом «Правовая регламентация оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений: исторический аспект» открывается рассмотрение пределов действия принципа правовой определенности в отечественном уголовном процессе.

В данном параграфе исследуются основания отмены (изменения) судебных решений в кассационном и надзорном производствах и в производстве по возобновлению дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств с точки зрения их исторической эволюции.

По мнению диссертанта, изучение оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в названных производствах в историческом аспекте дает возможность проследить, каким образом изменения отечественного уголовно-процессуального законодательства в данной области повлияли на свойство устойчивости судебного решения, вступившего в законную силу (в дореволюционный и советский периоды), а также на обеспечение принципа правовой определенности и его пределы (в современный период).

Проведенное исследование, кроме того, позволило автору дать замечания относительно некоторых положений Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001

¹⁸ Постановление от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ, 09.01.2012, № 2, ст. 398; Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 259-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Туристические гостиничные комплексы "Измайлово" на нарушение конституционных прав и свобод частью 4 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

г., которые негативно влияют на принцип *res judicata* и отрицательно отражаются на уголовном судопроизводстве, начиная с советского времени.

Так, диссертант отмечает, что существование в отечественном уголовном процессе тождественных оснований для пересмотра судебных решений в кассационном порядке и порядке надзора не отвечает современным демократическим стандартам справедливого правосудия, в том числе правилу исключительности (по нашему мнению, и единичности) кассационной либо надзорной инстанций.

Автор придерживается позиции, что сохранение в уголовном процессе двух экстраординарных порядков излишне и противоречит принципу *res judicata*, поскольку международные стандарты правосудия требуют наличия двух инстанций для обжалования – ординарной и экстраординарной. Как один из вариантов в этой области может быть использован опыт Франции.

Во втором параграфе «Правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно пределов действия принципа правовой определенности» автором исследуются пределы действия принципа *res judicata* в практике Европейского суда по правам человека.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека принцип правовой определенности не является абсолютным, поэтому возникает необходимость установления оснований отменены (изменения) вступившего в законную силу судебного решения, т.е. пределов действия принципа *res judicata*.

Впервые пределы действия принципа правовой определенности были обозначены в постановлении «Рябых против России», в котором Европейский суд по правам человека указал, что, во-первых, полномочия вышестоящих судов по пересмотру должны осуществляться в целях исправления судебных ошибок и неправильного отправления правосудия; во-вторых, достижение этих целей возможно только при таком обжаловании судебных решений, когда имеются существенные и бесспорные обстоятельства¹⁹.

¹⁹ Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // СПС «Консультант Плюс».

Данные положения были в дальнейшем развиты в многочисленных решениях Европейского суда по правам человека.

Так, например, в постановлении «Радчиков против Российской Федерации» были сформулированы обстоятельства (критерии), которые должны принимать во внимание суды *при возобновлении производства по делу* (заметим, что ЕСПЧ не проводит различия между надзорным (кассационным) производством и возобновлением дел ввиду новых (вновь открывшихся) обстоятельств), чтобы не допустить нарушение принципа правовой определенности (основания, по которым национальные власти отменили вступившее в законную силу решение по делу заявителя; последствия возобновления производства по делу и последующих процедур для личной ситуации заявителя; был ли пересмотр инициирован самим заявителем; соответствие рассматриваемой процедуры требованиям национального законодательства и др.)²⁰.

По мнению автора, основанному в том числе и на изучении практики Европейского суда по правам человека, главным критерием выступают основания пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу.

При этом исключительно преследование цели повторного рассмотрения и вынесения нового решения по делу; несогласие вышестоящего суда с оценкой, данной нижестоящими судами; различное толкование (интерпретация) закона, примененного в конкретном деле; иные частные случаи – все это, исходя из практики Европейского суда, не является обстоятельствами, оправдывающими отступление от принципа правовой определенности.

Таким образом, диссертант приходит к выводу, что пределами действия принципа правовой определенности, по мнению Европейского суда, выступают основания отмены (изменения) судебного решения в исключительных производствах – существенные нарушения уголовно-процессуального закона, а при возобновлении производства по уголовному делу - новые и (или) вновь открывшиеся обстоятельства.

²⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Радчиков против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 65582/01) // СПС «Консультант Плюс».

Вместе с тем возникают трудности в определении *существенности* нарушений, поскольку Европейский суд по правам человека в каждом деле в зависимости от обстоятельств решает, насколько важным является нарушение, используя при этом вышеуказанные критерии, свою прецедентную практику, в некоторых случаях – «настоятельную социальную необходимость».

Автор считает, что такое положение приводит к противоречивым решениям Европейского суда по правам человека и, следовательно, к нестабильной практике отечественных судов (конкретные примеры приведены в диссертационной работе).

В третьем параграфе «Пределы действия принципа res judicata при пересмотре судебного решения в кассационном порядке и в порядке надзора» в различных аспектах исследуются закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ основания отмены (изменения) вступивших в законную силу судебных решений в надзорном и кассационном производствах.

Автор предлагает свое видение решения следующих проблем: необходимости конкретизации перечня оснований пересмотра судебных решений в надзорном (кассационном) производстве, в т.ч. исходя из судебной практики новейшего времени; относительно понятия *существенное нарушение*; правильно ли в порядке надзора (в кассационном порядке) исправлять исключительно существенные нарушения процессуального права; что является неправильным применением уголовного закона и др.

Для решения данных вопросов диссертантом анализируется законодательство, научная литература, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, прохождение стажировки в Верховном Суде РФ позволило автору подробно изучить судебную практику в части оснований пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядках и выявить нарушения уголовно-процессуального закона, которые признаются высшим судебным органом существенными.

На основании изучения и анализа практики Верховного Суда РФ (240 судебных решений) диссертант пришел к выводу, что Верховный Суд РФ

признавал *существенными* следующие *типы* нарушений *уголовно-процессуального закона*: 1. нарушения, которые относятся к формированию и полномочиям суда: а) незаконный состав суда; б) нарушение правил подсудности; в) превышение пределов рассмотрения уголовного дела судом кассационной (надзорной) инстанции; 2. нарушение принципов уголовного судопроизводства, которые повлекли нарушение прав участников процесса: а) нарушение права подозреваемого, обвиняемого на защиту; б) нарушение гласности судопроизводства; в) нарушение установленного порядка обжалования судебного решения; 3. несоблюдение установленного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения уголовных дел: а) неправильное составление процессуальных документов или их отсутствие (например, протокол судебного заседания подписан только одним секретарем судебного заседания, тогда как протокол по данному делу велся двумя секретарями; отсутствие в материалах уголовного дела постановления о возбуждении уголовного дела); б) нарушение установленного порядка прекращения уголовного дела (преследования) (например, прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования без согласия обвиняемого).

В целях дальнейшего совершенствования порядка обжалования вступивших в законную силу судебных решений и соблюдения принципа *res judicata* автор предлагает использовать вышеприведенный перечень *существенных нарушений уголовно-процессуального закона* как ориентир для судебной практики. При этом данный перечень остается открытым и может быть скорректирован с учетом ее дальнейшего развития.

В результате исследования диссертант также приходит к выводу, что существующие основания пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора (кассации) требуют корректировки: в уголовно-процессуальном законе необходимо сформулировать точные и ясные критерии отнесения нарушения к категории *существенных*, чтобы гарантировать стабильность и устойчивость судебных актов и тем самым не допустить их произвольное изменение или отмену (либо, наоборот, оставление в силе

незаконного решения) и нарушение принципа правовой определенности, а следовательно, прав и свобод человека.

Исходя из недопустимости аналогии между нарушениями уголовно-процессуального и уголовного законов, автор полагает, что законодательное указание на *существенность* нарушений уголовного закона в кассационном и надзорном производствах представляется неверным, поскольку любое нарушение уголовного закона по сути является существенным. Применительно к названным производствам предлагается в качестве оснований отмены (изменения) судебных решений закрепить *неправильное применение уголовного закона*, внося соответствующие изменения в ст. 401.15 и ст. 412.9 УПК РФ.

Четвертый параграф «Пределы действия принципа правовой определенности при возобновлении производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств» посвящен рассмотрению проблем, возникающих при определении оснований возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Автор высказывает свою точку зрения относительно целесообразности разделения обстоятельств на новые и вновь открывшиеся; приводит аргументы в пользу того, что перечень этих обстоятельств должен быть ограниченным; выясняет, насколько признак *существенности* нарушения применим к новым (вновь открывшимся) обстоятельствам; рассматривает наиболее актуальные новые обстоятельства на примере практики Верховного Суда РФ; решает иные сопутствующие вопросы.

В данной области диссертантом, помимо отечественного и зарубежного законодательства, анализируются научная литература, а также правовые позиции Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и практика Верховного Суда Российской Федерации.

На основе указанного анализа сделан вывод, что все основания возобновления уголовного дела необходимо объединить и обозначить как *вновь открывшиеся обстоятельства*. При этом данный перечень обстоятельств должен быть ограниченным. Такое правовое регулирование будет в полной мере

соответствовать экстраординарной природе института возобновления дел, а также принципу *res judicata*. Кроме того, здесь необходимо принимать во внимание уголовно-процессуальное законодательство развитых европейских стран Франции и Германии, которое устанавливает исчерпывающий перечень обстоятельств, влекущих возобновление производства.

Изучение практики Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что при возобновлении дел ввиду новых обстоятельств, пределы действия принципа правовой определенности в названном производстве дифференцируются в зависимости от вида новых обстоятельств. В случаях, когда основанием пересмотра являются решения Конституционного Суда РФ (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), это влечет безусловную отмену (изменение) вступившего в законную силу судебного решения, тогда как решения Европейского суда по правам человека признаком безусловности не обладают. Такое положение приводит к возникновению коллизий в правоприменительной практике.

В этой связи положительную роль будет играть конкретизация в уголовно-процессуальном законе пределов действия принципа правовой определенности по отношению к новому обстоятельству – решению Европейского суда по правам человека. Исходя из судебной практики Верховного Суда РФ, такими пределами выступают: 1. незаконный состав суда; 2. нарушение права обвиняемого на защиту; 3. нарушение установленного порядка доказывания; 4. ненадлежащая проверка уполномоченными органами нарушений, допущенных во время досудебного производства по уголовному делу.

Кроме того, отметим, что Европейский суд по правам человека в своих постановлениях неоднократно указывал на *нарушение принципа правовой определенности* российскими судами, состоящее в том, что изначально правосудное судебное решение, вступившее в законную силу, подлежало отмене или изменению вышестоящими судами по основаниям, которые были признаны ЕСПЧ недостаточными для такой отмены (изменения). В данном случае для восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц в отечественном уголовно-процессуальном законе также используется процедура возобновления

дел и последующей отмены или изменения судебного решения в виду новых обстоятельств.

Относительно иных новых обстоятельств автор полагает, что их перечень также следует предусмотреть в уголовно-процессуальном законе.

В заключении формулируются итоги диссертационного исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы диссертации.

В приложении диссертант приводит основания пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу. Данные основания сформированы по времени действия нормативно-правового акта, их закрепляющего, и разделены на три блока в зависимости от вида производства.

Основные положения настоящей диссертации опубликованы в следующих изданиях:

в научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. *Белозерская Т.М.* Res judicata: возвращение к истокам // Законодательство. 2013. № 12. С. 73–79 (0,7 п.л.).
2. *Алексеева Т.М.* Реализация принципа правовой определенности в уголовном судопроизводстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2014. № 6. С. 74–83 (0,5 п.л.).
3. *Алексеева Т.М.* Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2015. № 2. С. 99 - 107 (1 п.л.).

в иных научных журналах и изданиях:

4. *Белозерская Т.М.* Принцип res judicata: возвращение к истокам // Материалы Международной научно-практической конференции «Традиции и новации в системе современного российского права». М., 2013. С. 403–404 (0,1 п.л.).
5. *Белозерская Т.М.* Принцип res judicata: от истории к актуальности // Материалы XV Международной научно-практической конференции с

элементами научной школы «Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2013». Ч. 2. Челябинск, 2013. С. 28–31 (0,1 п.л.).

6. *Белозерская Т.М.* Принцип res judicata: возвращение к истокам // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» (0,1 п.л.): URL: http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2013/2393/53048_4cf8.pdf.
7. *Белозерская Т.М.* Res judicata в свете новейшей практики Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2014 (0,2 п.л.): URL:http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2014/2795/2200_53048_a5dd03.pdf.
8. *Алексеева Т.М.* Принцип правовой определенности и презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения в уголовном процессе России // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 3 (12). С. 106-109 (0,5 п.л.).

Подписано в печать: 05.10.2015

Объем: 1,5 п.л.

Тираж: 100 экз. Заказ № 1040

Отпечатано в типографии «Реглет»

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 5/7, стр. 1

(495) 623 93 06; www.reglet.ru